

Гжегож В. Колодко
Академия Леона Козьминского, Варшава
Иностраннный член Российской Академии Наук

Великий деятель великих перемен

Будущее всегда сопровождается неопределенностью и различными рисками. Оно не предопределено и редко просто является продолжением прошлого. Постоянство и перемены всегда идут рука под руку, и мы все время сталкиваемся с неопределенностью и рисками, которые резко возрастают в ходе осуществления великих политических и экономических реформ, нацеленных на создание лучших условий жизни. Тридцать с лишним лет назад всё это затронуло как Советский Союз, так и соседние с ним государства.

На политическом поприще важно продемонстрировать не только мужество и большую решимость, — а ими Михаил Сергеевич Горбачёв, безусловно, обладал, — но и прозорливость в отношении возможных исходов развития стимулируемых и запускаемых процессов, которые могут выйти из-под контроля и последовать совершенно иному сценарию. У Горбачёва не было намерения отходить от социализма или прекращать существование Советского Союза. Он собирался «очеловечить» советскую социалистическую систему и тем самым положить в ее основу не политику государственного принуждения и угнетения граждан, а поддержку общества. Михаил Сергеевич планировал достичь этой цели посредством политических реформ, среди которых были *политика гласности*, а также курс на преобразование экономики, известный как *перестройка*. Эти реформы были такими же прорывными, как и запуск СССР искусственного спутника Земли в 1957 году. Тогда слово «спутник» вошло в английский и другие языки мира без изменения — его не переводили, а транскрибировали. Такой же чести удостоились слова «гласность» и «перестройка», которые означают «прозрачность» и «изменение структуры» соответственно — их тоже не стали переводить, ведь благодаря Горбачёву они говорят сами за себя.

Анализируя прошлое с позиций настоящего, мы должны согласиться с Горбачёвым: в политических условиях того времени он сделал многое из того, что было в его силах. К сожалению, он не сумел избежать и серьезных просчетов, особенно в экономике (Nutti, 2018). Однако если на мгновение отвлечься от преобразований внутри СССР, а затем и России, то невозможно не отметить, что Михаил Сергеевич всё же сделал весьма существенный вклад в изменение геополитической ситуации того времени: закончил пагубную «холодную войну» с Западом. Берлинская стена простояла бы немногим дольше, если бы не «Круглый стол» между руководством Польской Народной Республики и оппозиционным профсоюзом «Солидарность», но она наверняка простояла бы гораздо дольше, если бы не смелые решения Горбачёва.

По случаю 30-й годовщины попытки государственного переворота 1991 года и попытки сместить Горбачёва с поста президента СССР Михаил Сергеевич провел ретроспективный анализ своих побед и провалов на посту руководителя советского государства. В своей работе он уделяет гораздо больше внимания политическим аспектам, нежели экономическим, и это неудивительно, поскольку его достижения в этой сфере были гораздо более значительными и, в некотором смысле, даже выдающимися, в то время как итоги экономических реформ были далеко не удовлетворительными. Основоположник перестройки описывает мрачную картину социально-экономической ситуации в стране «развитого социалистического общества», сложившуюся на момент его прихода к власти: «Страна всё глубже погружалась в застой. Фактически прекратился экономический рост... Мы прекрасно понимали, что экономика “реального социализма”, как было принято называть нашу систему при Брежнев, деградирует, страна неотвратимо втягивается в кризис. К началу 1980-х гг. экономический рост прекратился, а с ним замер и так довольно низкий уровень жизни. По показателям реальных доходов населения СССР оказался далеко позади развитых стран Запада. В расстройство приходили финансы. Экономика

становилась всё более разбалансированной и дефицитной. Не хватало не только продовольственных и промышленных товаров, но и металла, топлива, всего, что мы производили в огромных количествах». (Горбачёв, 2021). К сожалению, в 1991 году, когда этот великий реформатор был отстранен от власти, ситуация в экономике страны ни на йоту не стала лучше, а во многих отношениях даже ухудшилась.

В частности, появляющиеся результаты реформ, и без того довольно скромные, поглотила стремительно ускоряющаяся инфляция. Вдобавок к этому, это всё происходило в ситуации, когда проблема устранения в стране дефицита была далека от решения, в то время как отказ от контроля над ценами, конечно, был необходим. Однако этот отказ неизбежно привел бы к новым мощным виткам инфляции (Колодко, 2000). По оценкам Европейской комиссии, на 1985 год при реальных доходах населения в совокупном объеме 371,1 млрд. старых советских рублей, объем принудительных, или вынужденных, сбережений составлял 4,1 млрд., то есть всего 1,1% от общей суммы сбережений, а в 1990 году эта цифра выросла до 20,4% (ЕС, 1990). В то время была популярна программа Григория Явлинского под названием «500 дней», предполагавшая либерализацию и стабилизацию экономики. Позже эта программа была также опубликована на английском языке (Yavlinsky *et al.* 1991). Вернувшись из ознакомительной поездки в Москву в ноябре того же года, я организовал в Варшавском Институте Финансов, директором которого я тогда был, семинар «500 дней до гиперинфляции». Так и случилось... Цены в январе 1992 года были на 245% выше, чем в январе 1991 года, а инфляция за весь 1992 год превысила 2500% (Russia, 1992).

Горбачёв объясняет фактический провал перестройки в экономике невероятным сопротивлением этому явлению. Действительно, в Советском Союзе это сопротивление было больше, чем в странах Центральной и Восточной Европы, но и в Китае оно было довольно серьезным. Если сравнивать преобразования Михаила Сергеевича и Дэн Сяопина, можно сказать, что реформы советского лидера не были настолько масштабными,

чтобы достаточно быстро и успешно переориентировать производство военно-промышленного комплекса на выпуск гражданской продукции и вместо тяжелой промышленности начать развивать легкую; этих реформ было недостаточно, чтобы значительно увеличить производство и поставки потребительских товаров на рынок. Китаю же это успешно удалось, как удалось и установить эффективный контроль над темпами роста цен. Добавим, что Польша хуже Китая, но успешнее России и других республик бывшего СССР справилась с синдромом так называемой «дефицитфляции», разрушавшей социалистическую экономику (Kolodko, Danuta, Skrzyszewska-Paczek, 1992; Kolodko, 2021b).

Тем не менее, похоже, что в последние годы существования советской державы ее руководители уделяли недостаточное внимание экономической стороне проводимых ими реформ. Вероятно, на это повлиял и громадный клубок растущих проблем, связанных с ослаблением и последующим скорым распадом СССР на ряд независимых государств. До этого никому — даже Югославии — не приходилось сталкиваться с таким глобальным масштабом подобного рода проблемы. Китаю же в те годы было проще сосредоточить внимание на экономических реформах, но это не означает, что там не было национальных и этнических проблем. Они существуют до сих пор.

Некоторые критики политики перестройки и гласности справедливо отмечают, что причиной неудач было отсутствие у перестройки комплексного характера. Фактически ее целью было сохранение режима посредством постепенных политических преобразований и перестройки управления, хоть последняя и носила ограниченный характер. Фактически оправдывая несовершенства перестройки, некоторые исследователи небезосновательно выражают свое недовольство в отношении стран Запада, вовремя не обеспечивших создание международной среды, наиболее благоприятной для проведения комплексных экономических реформ (Sakwa, 2019). У самого Горбачёва тоже есть обоснованные поводы для недовольства по этому поводу. Это факт: Запад должен был и мог сделать больше, но

намеренно этого не сделал, потому что ему не нужен был сильный Советский Союз, как не нужна была и сильная Россия. Более того, это до сих пор так.

Важно осознавать, что на экономические и геополитические реалии в 1960-е, 1970-е и 1980-е годы в значительной степени повлияла холодная война — которую теперь, после того как при жалком президентстве Дональда Трампа разгорелась новая холодная война, следует называть Первой холодной войной. Немаловажную роль сыграло и враждебное отношение к обеим могущественным социалистическим державам — СССР и Китаю — со стороны стран Запада, особенно США. Они были державами не в экономическом, а в политическом и военном отношениях, принимая во внимание военную мощь России и численность армии Китая. Запад жаждал развала советской и китайской модели коммунизма, и руководители обеих этих стран прекрасно осознавали: вне зависимости от того, как будут проходить реформы, на Западе их будут рассматривать как потенциальную возможность сломать правящую систему, воспринимаемую как врага мирового капитализма.

Прежде чем Горбачёв принял бразды правления, практически никто в ведущих политических кругах не задумывался о глубоких изменениях в политической системе. Даже относительно более прогрессивные умы, поддерживавшие политику реформ, — как в политбюро ЦК Коммунистической партии Китая, так и в правительстве СССР — думали в лучшем случае лишь о частичных изменениях и улучшениях реального положения дел, что в основном соответствовало преобладающей и неоспоримой тогда идеологии ленинизма. Тем не менее, ветер перемен должен был рано или поздно подняться, и это произошло, когда в 1985 году Горбачёв занял правящие посты в партии и государстве.

В отличие от Китая того времени, Советский Союз под руководством Горбачёва не смог достичь таких же успехов за время перестройки, хотя план реформы был таким же: объединить однопартийную систему правления с частичным переходом к рыночной экономике (Åslund, 1991). Оглядываясь

назад, мы можем сделать вывод, что идея сама по себе удачная, поскольку в Китае и во Вьетнаме её успешно воплощают на протяжении уже более тридцати лет (Kołodko, 2020; Csaba, 2021).

Несомненно, разочарование многих людей в перестройке и гласности не было бы таким сильным (а может, его бы и не было вообще?), если бы были переломлены негативные тенденции развития в экономике и отношениях между народами Советского Союза. Свою роль сыграло и совпадение взглядов двухпартийной оппозиции: партийных революционеров и неолиберальных фундаменталистов. Горбачёв верно отмечает, что «... дезинтеграционные процессы опережали формирование новых институтов власти и управления. Одновременно набирала силы радикальная оппозиция. Само по себе появление оппозиции было закономерно и необходимо. Но своими популистскими лозунгами, борьбой против союзного центра и политического центризма, поддержкой сепаратизма радикалы подрывали фундамент власти и практически смыкались по деструктивности с реакционной, консервативной оппозицией. Эти две крайности привели к тому, что переход к демократии в нашей стране оказался драматичным и болезненным. И это предопределило многие трудности и проблемы, с которыми мы сталкиваемся до сих пор». (Горбачёв, *указ. соч.*). Я тоже согласен с тем, что до сих пор...

Такова природа вещей: добиться ошеломляющих успехов в политике гораздо проще, чем в экономике. По крайней мере, именно так обстоят дела в краткосрочной перспективе, потому что в долгосрочной может оказаться, что более значительные результаты достигаются в области формирования рыночной экономики, а не в сфере политической либерализации и создания истинно демократической системы. Об этом свидетельствует более чем тридцатилетний опыт проведения постсоциалистических преобразований в таких странах, как Чехия, Польша, Венгрия и Словения.

Однако Горбачёву на осуществление его курса реформ не было дано ни тридцати, ни даже десяти лет. Тем не менее, когда дело заходит о

масштабных реформах в политике (особенно в условиях отсутствия демократических институтов, как это было тогда в Советском Союзе и, в частности, в России), в том числе таких, как перестройка и гласность, необходимо исходить из того, что у правительства будет достаточно времени для их реализации. А времени как раз часто и не хватает — либо потому, что срок полномочий в демократическом государстве слишком короток, либо же потому, что одни реформаторы недемократическим способом устраняют других. Таким образом, становится понятно, что бывший президент СССР признает свои ошибки, объясняя это так: «Тогда мы не знали и не могли знать, что история отвела нам мало времени. Радикальные экономические реформы, переход к рыночной экономике требовали целого переворота в сознании и руководителей, и рядовых граждан. Те, кто пришел после нас, думали, что у них всё получится за два, максимум три года. Отсюда их вера в “шоковую терапию” и отсюда же — ее разрушительные последствия. И это тоже надо иметь в виду, оценивая просчеты в экономической политике периода перестройки» (*Там же*). И в этот раз я вынужден согласиться с Горбачёвым, добавив к этому, что так называемая «шоковая терапия» в его стране привела к даже более негативным последствиям, чем в моей.

Горбачёв справедливо подчеркивает важность окончания холодной войны. И, хотя, на мой взгляд, это достижение в значительной степени принадлежит именно ему (Kołodko, 2021a), Михаил Сергеевич скромно говорит, что это общая победа — его и его коллег из США, хотя «...на этой позиции американский политический истеблишмент не удержался. Не выдержали американские политики испытание историей, не оказались на высоте своей исторической ответственности. Вместо констатации общей победы над холодной войной решили объявить свою “победу в холодной войне”»... Тогда и произошел тот срыв, тот поворот, который многое предопределил в последующем ходе мировых событий. В этом корень ошибок и провалов, которые подорвали фундамент новой мировой политики. Триумфаторство — плохой советчик в политике. (Горбачёв, *указ. соч.*). К

сожалению, подобные «срывы» происходят и сейчас, только теперь некоторые западные лидеры видят якобы серьезную угрозу всему миру уже не в лице давно распавшегося Советского Союза, и даже не в лице России, — хотя Запад, особенно Соединенные Штаты, по-прежнему считает ее врагом, — а в лице Китая.

Различные инициативы американского правительства, такие как QUAD и AUKUS направлены именно на Китай. QUAD, *Четырёхсторонний диалог по безопасности* — это геостратегическое политическое соглашение между США, Индией, Японией и Австралией, которое направлено на изоляцию Китая и России. AUKUS, в свою очередь, представляет собой военное соглашение между США, Великобританией и Австралией, и имеет целью оснащение австралийского военно-морского флота, как минимум, восемью атомными подводными лодками. В суждении о том, что «истинное назначение альянса AUKUS — способствовать установлению нового баланса сил в Тихоокеанском регионе» (Economist, 2021b), нет ничего удивительного, но важно четко осознавать, что реальное, а не декларативное назначение AUKUS заключается в том, чтобы раскрутить новый виток гонки вооружений по принципу холодной войны, а это никак не обеспечивает установление во всех остальных отношениях желаемого баланса сил и в целом ослабляет международную безопасность. Поразительно, что такой дельный и практичный еженедельный журнал, как «The Economist», вскользь отмечает: «Администрацию Байдена стоит за это похвалить». (Указ. соч.).
Вовсе нет.

Великим достижением последнего руководителя СССР был не только момент, когда группа ученых — в основном, выдающиеся физики, среди которых были и лауреаты Нобелевской премии, — перевела стрелку *Часов Судного дня* на семнадцать минут до символической полуночи. По их мнению, с точки зрения сохранения мира 1991 год был после Второй мировой войны самым безопасным. Последние несколько лет были самыми опасными; более опасными, чем 1949 год, когда СССР провел первое

испытание атомной бомбы, более опасными, чем 1953 год, когда США взорвали свою первую водородную бомбу, и более опасными, чем оруэлловский 1984 год, который предшествовал приходу Горбачёва к власти — случившемуся, увы, слишком поздно.

Часы Судного дня

Три минуты до ядерной полуночи или меньше

1949: Испытание атомной бомбы в СССР

1953: Испытание водородной бомбы в США

1984: Ухудшение отношений между США и СССР

2015: Глобальное потепление, гонка ядерных вооружений

2020: Гонка ядерных вооружений, изменение климата, кибер-война

Источник: журнал “Bulletin of the Atomic Scientists” («Бюллетень учёных-атомщиков») (Mecklin 2021).

Более того, окончание холодной войны дало человечеству нечто большее, чем просто ощущение безопасности. Благодаря этому событию миллионы людей освободились от оков страха, а у многих стран появилась возможность определять своё будущее. Как сказал сам Горбачёв, «...с окончанием холодной войны заявили о своих устремлениях народы стран Центральной и Восточной Европы и произошло объединение Германии. Безусловно, импульс этим процессам дали перемены в нашей стране. Дав народу нашей страны демократические права и свободы, мы не могли препятствовать устремлениям народов соседних стран, наших союзников. С

самого начала руководителям этих стран было сказано: мы не будем вмешиваться в ваши дела, вы отвечаете перед своими народами. И когда ветер перемен охватил эти страны, мы доказали: наши слова о свободе выбора — а это был один из главных тезисов моей речи в ООН — не были пустой риторикой» (*там же*).

Если бы нужно было назвать одного человека в мире, который в новейшей истории внес самый большой вклад в улучшение геополитической системы, этим человеком стал бы Михаил Сергеевич Горбачёв в должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Возможно, в наше время это прозвучит странно, но именно его слова и поступки усилили дыхание ветров великих перемен, уже начавших дуть к тому времени.

Но не стоит впадать в заблуждение: в современных условиях хаоса и нестабильности вероятность того, что памятные достижения Горбачёва обретут широкое признание и неоспоримость, крайне мала. Тридцати лет, прошедших после его вынужденной отставки, недостаточно для того, чтобы человечество справедливо оценило историческое значение того периода, когда Михаил Сергеевич находился у руля власти, для развития международной ситуации, на которое он в значительной степени повлиял. Поступки этого великого деятеля будут по достоинству оценены только в будущем. В конечном итоге не мы, но сама история решит, кто был прав, а кто ошибался, что было хорошо и что было плохо, и кто вел нас в верном направлении, а кто следовал ложным ориентирам. Событие становится частью истории, только когда последний его свидетель покидает этот мир. К счастью, мы — одновременно и герои, и очевидцы этих событий, — живы и преисполнены надежды прожить еще много лет...

Список литературы

Горбачёв, Михаил С. (2021). *Понять перестройку, отстоять новое мышление: «Россия в глобальной политике»*, 2.08.2021 (<https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/>).

Åslund, Anders (1991). *Gorbachev's Struggle for Economic Reform*, Cornell University Press, Ithaca, NY.

Csaba, László (2021). *Institutions and Change: New Horizons in Economic Theory*, w: Judit Ricz and Tamas Geroacs (red.), *The Post-Crisis Developmental State: Perspective from the Global Periphery*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, s. 13-31.

EC (1990). *Stabilisation, Liberalisation and Devolution: Assessment of the Economic Situation and Reform Process in the Soviet Union*, European Commission, Brussels.

Economist (2021b). *America is at last getting serious about countering China in Asia. But strengthening military alliances is not enough*, "The Economist", September 25, 2021 (<https://www.economist.com/leaders/2021/09/25/america-is-at-last-getting-serious-about-countering-china-in-asia>; dostęp 2.10.2021).

Kolodko, Grzegorz W. (2000). *From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation*, Oxford and New York, Oxford University Press.

Kołodko, Grzegorz W. (2020). *Wielikaja kitajskaja transformacija: om „trietiego mira” k „pierwomu”*, „Mir Pieremien”, No. 2, p. 51-65.

Kołodko, Grzegorz W. (2021a). *Ekonomika i politika bolszych pieremien: Michail Gorbaczow versus Den Sjaopin*, „Ekonomiczeskaja Teorija”, No. 1, p. 5-19.

Kołodko, Grzegorz W. (2021b). *„Deficifljatsija” 3.0: Ekonomika wojennego wremeni — gosudarstvenniy socializm — krizis na fonye pandemii*, „Voprosy Ekonomiki”, Nr 10, s. 5-26.

Kolodko, Grzegorz W., Danuta Gotz-Kozierkiewicz, Elżbieta Skrzyszewska-Paczek (1992). *Hyperinflation and Stabilization in Postsocialist Economies*, Kluwer Academic Publishers, Boston — Dordrecht — London.

Mecklin, John (red.) (2021). *It is 100 seconds to midnight: 2021 Doomsday Clock Statement*, Bulletin of the Atomic Scientists, [Science and Security Board](https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/) (<https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/>; dostęp 2.10.2021).

Nuti, Mario D. (2018). *The Rise and Fall of Socialism*, Berlin, Dialogue of Civilizations Research Institute (https://doc-research.org/2018/05/rise_and_fall_of_socialism/; dostęp 1.02.2021).

Russia (1992). *Russia Inflation Rate in 1992*, Statbureau, Moskva (<https://www.statbureau.org/en/russia/inflation/1992>; dostęp 2.10.2021).

Sakwa, Richard. (2019). *Russia's Futures*, Polity Press, London.

Yavlinsky, Grigory et. al. (1991). *500 Days: Transition to the Market*, St. Martin Press, New York.